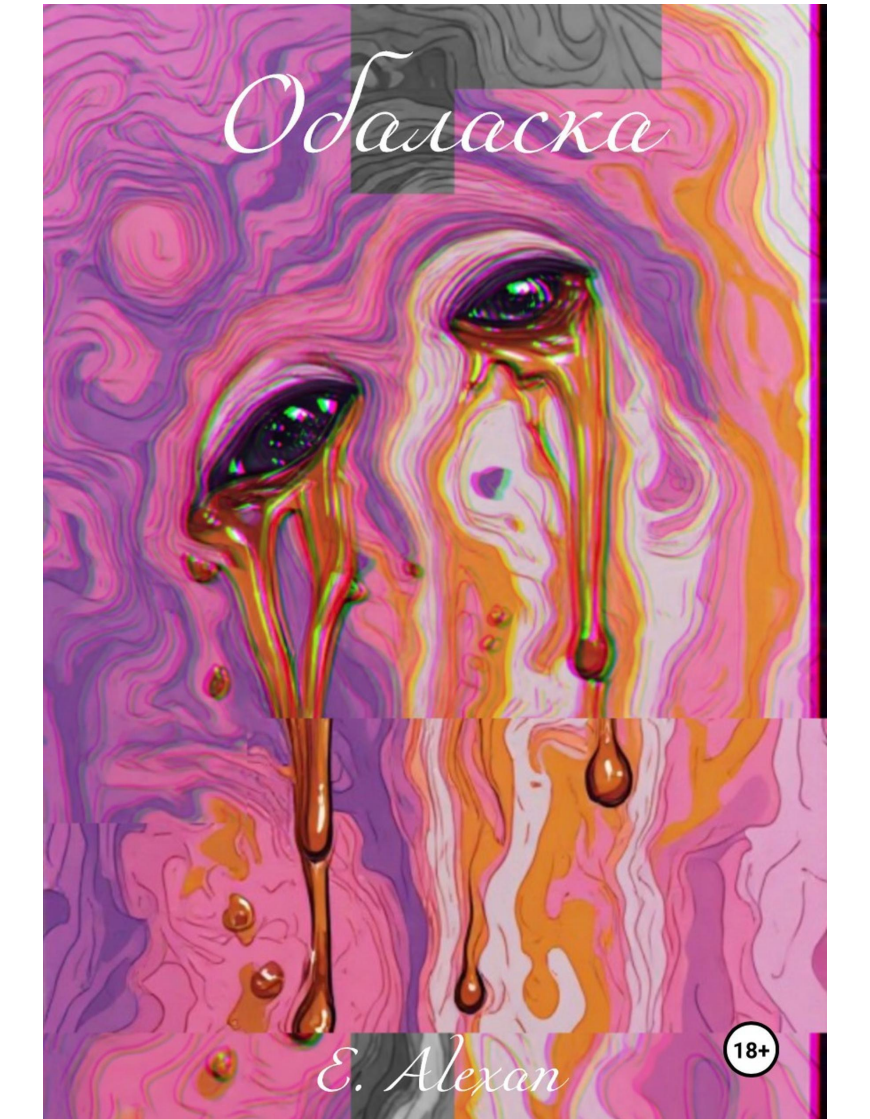

Одласка

Е. Ахсан

18+

Е. Alexan

Обаласка

<https://litres.ru/74531849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Несмотря на удушающую жару, шестнадцатилетний Ниве всё время находится в саду, отказываясь заходить в прохладный дом к матери. Он не выпускает из рук сломанный радиоприёмник и думает о старшем брате, которого боготворит с детства. Память о нём — единственное спасение для Ниве. Он отчаянно хочет войти в комнату брата, но не делает этого. Всё, что он может делать, — это воспроизводить шум радиопомех, и каждый раз Ниве придумывает для этого всё более жестокие по отношению к самому себе способы.

Оригинальный авторский стиль. Рекомендуются любителям южной готики, артхаусного кино, символизма, визуальной прозы вне географии и времени.

Е. Alexan

Обаласка

В этот июльский полдень, когда воздух дрожит над раскалёнными поверхностями, Ниве снова держит в руках фиолетовый радиоприёмник, чтобы слушать на нём помехи далёких гроз. В иссушенном зноем саду он чувствует, как его дыхание спекается в груди, сердце бьётся тяжело, выталкивая в уши тонкий звон, а мир вокруг превращается в выцветший слепок. Всё это, впрочем, не мешает Ниве время от времени делать лицо абсолютно непроницаемым, лишённым любых эмоций. Пластик приёмника уже так нагрет солнцем, что почти обжигает кожу, но Ниве без остановки крутит фиолетовое ребристое колёсико, расположенное на правой грани, и слышит треск; как и все прочие звуки в этой приглушённой и плавящейся реальности, скрежет доносится до него словно сквозь толстый слой ваты. Но на самом деле этот звук никак не связан с далёкими грозами. Колёсико прокручивается легко и гладко, без вязкости, без сопротивления, и красная стрелка настройки больше не движется по шкале радиочастот. Этот приёмник давно мёртв, с его корпуса истёрся почти весь пурпур, а треск пытается воспроизвести сам Ниве, скребя ногтем по решётке встроенного динамика. И почти ничто не прерывает этот звук — только лишь короткие, глухие щелчки, которые раздаются, когда летающие на большой

скорости насекомые ударяются своими жёсткими телами о стены дома. Ниве думает, что, наверное, в такую жару здесь больше и не может быть никаких других звуков: дом стоит в отдалении от всех остальных домов в пригороде Обаласка, и вокруг нет почти ничего, кроме заброшенных пустырей. Здесь едва ли можно услышать чужие голоса, но Ниве и не нужно их слышать, потому что он хотел бы слышать голос лишь одного человека — Тамила, которого не стало восемь лет назад. Тогда Ниве было всего восемь, и, хоть ему казалось, что он знает и понимает о брате всё, он не понимал ничего. Как узнать Тамила теперь? Как узнать человека, которого не стало, когда ты был слишком мал для того, чтобы видеть всё таким, каким видишь сейчас? Иногда ему кажется, будто он осознаёт лишь то, что их пригород давно заклинило на середине лета, и тогда Ниве сравнивает свои попытки вспомнить Тамила с помехами старого радио, сквозь которые не может прорваться ни одно слово, ни один различимый звук.

Когда в нескольких метрах за его спиной со стуком открывается тяжёлая входная дверь, Ниве не поворачивается, но мысленно видит, как прямоугольная тень коридора падает на горячие бетонные ступени. Это Мать. Она не спустится по этим ступеням, не выйдет на широкую площадку под навесом, она даже не ступит на порог, оставаясь недвижимым тёмным пятном в дверном проёме прохладного дома.

— У меня всё нормально, — быстро говорит Ниве, не до-

жидаясь её слов и надеясь, что его голос звучит достаточно ровно и спокойно, но насколько ровно и спокойно может он звучать, если сердце бьётся сейчас совсем по-другому?

— Нивен, ты уже слишком долго сидишь там один, — произносит Мать, но тот ничего не отвечает, потому что ему нечего добавить к тому, что он уже объявил. — Вернись в Ковчег.

Может быть, Ниве и вернётся. Но его брат Тамил, которого не стало восемь лет назад, потому что он покончил с собой в возрасте восемнадцати лет, не вернётся в этот дом уже никогда.

Пока Тамил, сидя на бетонных ступенях, настраивает гитару, маленькому Ниве хочется стоять к нему как можно ближе, и его тело не может устоять ровно, оно будто само раз за разом подаётся вперёд, в чужое пространство, однако ноги его при этом продолжают оставаться строго на одном и том же месте. Ниве хочет рассмотреть всё и вовремя сдуть пылинки там, где это потребуется, если только это будет возможным. Когда Тамил подкручивает колки, он всегда добивается какого-то особенного натяжения, и струны на его гитаре выглядят обманчиво податливыми, словно даже их разморило от неизбывного зноя Обаласки.

Когда Тамил берётся за настройку шестой струны, его

пальцы сжимают колок настороженно, словно что-то проверяя или же сомневаясь в том, что делать дальше. Пластиковый наконечник выглядит как потрескавшийся от долгой засухи кусочек глины; когда-то этот наконечник был белым, а теперь помутнел, и его оттенок стал грязновато-янтарным, и в какой-то момент Ниве кажется, что под пальцами Тамилла даже можно расслышать слабый хруст.

— Он может раскрошиться? — Ниве так сосредоточен на происходящем, что не может оторвать взгляд от помутнённой детали, и теперь даже его тело становится абсолютно неподвижным.

— Да, Ниве. Так и будет однажды, — отвечает Тамилл и отстраняет руку от грифа, тем самым разрешая и Ниве дотронуться до повреждённого пластика.

Ниве дотрагивается до него нежно, осторожно, едва касаясь кончиком пальца и теперь даже не дыша, будто даже его дыхание или случайное движение может ускорить гибель и без того хрупкого материала — шершавого на ощупь, как Ниве выясняет теперь.

— Без него... ты сможешь настраивать струну без него? — спрашивает он, по-прежнему внимательно, без капли притворного любопытства изучая деталь.

— Без него настраивать струну будет неудобно. Больно. — Тамилл вновь касается колка, но теперь уже с явным намерением всё-таки начать его вращать. — Я, разумеется, придумаю, чем его заменить.

В этот день Тамил ещё долго, до позднего вечера сидит с гитарой, но разве он не делает так постоянно? Просто теперь он перебирается совсем далеко от бетонных ступеней, туда, где забор утопает в зарослях, и даже не видя его глаз, Ниве знает, что в них снова много непонятной тоски, и ему остаётся лишь тихо сожалеть о том, что брат не играет с ним, но и это уже давно не кажется ему чем-то необычным.

И теперь Ниве вдруг понимает, что почти не помнит Тамилу без его гитары, — тот всегда был с ней; и ровно так же невозможно представить его и без бледности кожи, и без печали в задумчивых тёмно-серых глазах, напоминающих ночную глушь. Тамил создавал искусство, и он был произведением искусства сам. Он был невероятно красив, и сейчас Ниве точно знает, как описать эту красоту. Это гипнотическая, тревожная, трагичная красота. Ровно такая же, как и его музыка. Тамил почти не играл внутри дома — всегда в саду. Он сидел спиной к дому, низко опустив голову, почти утыкаясь в гриф, и пряди тёмных, слегка выющихся волос закрывали его лицо. Корпус гитары, покрытый глухим матовым слоем, казался выточенным из куска сухой чёрной туши, как та, что хранится в картонных коробках, и эта гитара всегда звучала странно и глухо. Тамил каждый раз играл что-то медленное и запутанное, и часто это была одна и та же тоскливая, отрешённая мелодия. В такие моменты Ниве ощущал, что вокруг брата разворачивается катастрофа, точнее, катастрофа вокруг Тамилу разворачивалась почти постоянно, но в такие

моменты она становилась слишком уж явной, едва ли не осязаемой, словно до неё вот-вот можно было дотянуться руками. Но Ниве не смог бы уйти, даже если бы захотел, потому что он испытывал и восторг тоже. Он помнит длинные, странно выгнутые пальцы Тамилы, которые небрежно касались струн и были мягки и пугающе точны, помнит сложные, космические звуки. Тамил выжимал из этого старого инструмента, похожего на провал в пространстве, намного больше, чем он мог дать. Гитара стонала, она плакала; это можно было услышать, даже когда Тамил просто проводил пальцем по струнам. Она плакала вместо него, потому что он не мог. И только смерть смогла заставить его разлучиться с этой гитарой — ничто более не смогло бы это сделать, и Ниве уяснил это очень хорошо.

«Ниве, моя гитара — это и есть я», — однажды сказал ему брат.

— Тамил, я даже не знал, что такое депрессия, — говорит Ниве так, будто брат может услышать его и будто это может хоть как-то ему помочь.

Это не чувство вины — Ниве не считает хоть сколько-нибудь полезным винить себя в естественном детском эгоизме, — это чувство упущения самого, без сомнения, дорогого, чувство полной беспомощности перед безвозвратно утерянным. Теперь Ниве до глубокого отчаяния хочет поговорить с Тамилем, и в первую очередь он, разумеется, хотел бы найти для него нужные слова, а уже потом Ниве рассказал бы

О том, что он и сам, кажется, начинает чувствовать что-то очень похожее на то, что чувствовал брат.

Как только Ниве замечает, что Тамил, сидя в траве, держит в пальцах крупного чёрного жука с длинными усами, то тут же бросает все свои дела и подбегает к брату. Тамил осторожно зажимает насекомое двумя пальцами с боков и внимательно рассматривает его, и Ниве наклоняется, чтобы рассмотреть тоже, и он пока не знает, что притягивает его больше: сам жук или же равнодушие к этому жуку Тамил. Когда Ниве видит насекомое прямо перед собой, то замечает на его чёрных надкрыльях точечные ямки, и жук кажется ему кожаны́м и пористым. Ниве подмечает и то, что надкрылья жука выглядят потёртыми, будто выгоревшими на летнем солнце, и что в некоторых местах они вовсе не чёрные, а бронзовые. Сегменты его длинных усов, словно гипнотизирующих горячий воздух, плотно соединены между собой и напоминают крошечную черепичную кладку. Жук, удерживаемый пальцами и потерявший опору, настолько быстро перебирает всеми тремя парами длинных лап с цепкими коготками, что Ниве кажется, будто кто-то нажал на кнопку перемотки прямо во время просмотра видеокассеты.

Как только Тамил хочет поднести насекомое поближе к Ниве, тот машет руками и быстро отпрыгивает назад.

— Нет, Тамил, не сажай его на меня! — И в этот же момент Ниве мысленно спрашивает сам себя, не слишком ли громко и взволнованно прозвучали его слова, и он тревожно поворачивает голову в сторону дома, однако интерес к насекомому очень скоро побеждает в нём все прочие эмоции.

— Нет, нет, — тихо успокаивает его Тамил. — Просто посмотри на него поближе. Это усач, и я держу его так, чтобы своими челюстями он не укусил никого из нас, поэтому сейчас он безопасен. Ниве, эти жуки, если их потревожить, могут издавать звук, похожий на то, как звучит басовая струна гитары, если быстро и несколько раз провести по ней ногтем. Этот звук мы слышим потому, что части тела жука трутся друг о друга. Можно сказать, что усачи громко и отчаянно кричат, как только что-то разозлит или побеспокоит их.

Ниве быстро дотрагивается до надкрыльев пальцем и тут же так же поспешно отдёргивает руку, однако всё равно успевает заметить, что и на ощупь эти надкрылья напоминают кожу — грубую и жёсткую. И вдруг жук, будто подтверждая только что произнесённые Тамилом слова, начинает почти яростно кивать головой и издавать звук, который вначале кажется Ниве паническим писком пойманной мыши. Ниве даже приоткрывает рот от удивления, и вот уже усач видится ему заведённой игрушкой на батарейках, которая выполняет заданные ритмичные движения: беспомощно двигает лапами в воздухе и механически кивает головой в такт такому же механическому звуку. Даже черепичные усы не гнут-

ся плавно — они похожи на ломаные антенны! И хоть Ниве по-прежнему не желает стоять к насекомому слишком близко, он всё же не может отойти и перестать на него смотреть, потому что брат тоже всё ещё смотрит. Тамил ещё какое-то время удерживает насекомое в пальцах, а затем сажает на забор, и жук начинает ползти — сначала медленно, будто не веря желанному освобождению, не отойдя ещё от недавнего плена и уже опасаясь нового, а затем всё быстрее и быстрее, увереннее и увереннее.

— Я бы хотел им быть, — вдруг произносит Тамил, не отрывая взгляда от жука, который уползает всё дальше, растворяясь в текстуре забора, будто впитываясь в него, и Ниве даже не понимает, кому именно брат предназначает эти странные слова.

— Ты что, Тамил? — спрашивает он так, будто тот уже собирается превратиться в насекомое и будто такое превращение вполне возможно. — У него ведь даже нет мыслей в голове, нет дома, и он не знает, кто его родители. И он наверняка живёт на этом свете слишком мало.

— В точку, — отвечает ему Тамил, и Ниве, произнеся почти укоряюще: «Вот видишь!», облегчённо переводит дух, а после этого ещё какое-то время недоумевает: как Тамил может хотеть стать маленьким, пусть и крупнее многих других, насекомым, которое может лишь отчаянно кричать, если что-то нарушает его покой?

«У жука есть право кричать и заявлять миру о своей боли,

— думает Ниве, лёжа на траве в саду и бесконечно прокручивая в голове тот далёкий день. — У него есть его биологическое право громко и отчаянно кричать, если ему плохо и страшно».

В одной руке Ниве держит свой старый радиоприёмник, а в другой — оторванные от кустарника сухие листья, края которых скрутились, завернулись вовнутрь, словно растение само пыталось спасти себя от перегрева. Наверное, так и было. Ниве снова упорно, не переставая, крутит колёсико с насечками и одновременно перебирает и сжимает в ладони блёклые листья, потому что их шуршание друг о друга напоминает ему треск и шипение старого радио. Листья кажутся твёрдыми, но на самом деле они слишком хрупки и уязвимы и уже начинают размельчаться, и отделяющиеся от них мелкие частицы напоминают Ниве крошечные осколки известняка, которые он подбирал на пустырях в детстве, говорил с ними, гладил и целовал, принимая совсем за другое. Ниве сжимает листья осторожно, потому как они немедленно раскрошатся, если сдавить их хотя бы немного сильнее, и он будет сжимать их до тех пор, пока в их шуршании ему хотя бы отдалённо удаётся расслышать шум прорезающих тишину радиопомех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.